

ВАРЛАМОВ А.Н.

25

КОМУ ВРУЧИТЬ

цветы?

А. Н. Варламов

Кому вручить цветы?

«Издательские решения»

Варламов А. Н.

Кому вручить цветы? / А. Н. Варламов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516467-4

Предлагаемая читателям книга — очередная версия взаимоотношений человека и созданных им творений, в некотором роде одушевлённых. Естественно, в жанре фантастики. Даже можно сказать, немного ретро-фантастики, поскольку задумывалось это действие едва ли не полвека назад. Конечно, с тех пор утекло много воды, поэтому пришлось многое пересмотреть и переделать в свете нынешних реалий, которые наступают на нашу с вами жизнь с невообразимой скоростью.

ISBN 978-5-00-516467-4

© Варламов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

КОМУ ВРУЧИТЬ ЦВЕТЫ?	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кому вручить цветы?

А. Н. Варламов

© А. Н. Варламов, 2020

ISBN 978-5-0051-6467-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОМУ ВРУЧИТЬ ЦВЕТЫ?

фантастическая повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Роман Палыч Мортиров сидел в своей квартире и медленно сходил с ума. Судя по всему, от скуки.

Попробовал было прилечь, но услужливая постель, как надоевшая жена, мгновенно опротивела. Решил присесть с чашкой полурастворимого кофе (ужасный дефицит откуда-то из созвездия Тараканов), но после первого же глотка яростно швырнул её в стену.

Чашка, прицельно отброшенная стеной, плавно отскочила назад (ох уж это хвалёное мягкое, небьющееся стекло!) и точно спланировала на прежнее место на журнальном столике. Туда, откуда секунду назад и была запущена в полёт. Тем временем вылившийся кофе по инерции продолжил свой путь, ударившись о стену и растёкшись на ней безобразным коричневым пятном; однако стена мгновенно всосала его в себя, где в ту же секунду отправила на утилизацию в глубины скрытой, встроенной внутрь канализации. Пятно, не успев как следует покрасоваться на полиэстровых¹ обоях, было немедленно смыто, обесцвечено и продезинфицировано этими же обоями.

Стена на этом не успокоилась и вежливо поинтересовалась у хозяина на предмет того, а не сменить ли ей попутно свой колер?

– Да иди ты!.. – мгновенно рявкнул в ответ Роман Палыч, чем послал «интерактив» квартиры в глубокий, но беспокойный спящий режим.

Мортиров встал с кресла, подошёл к стене. Внимательно оглядел то место, в которое предположительно только что ударилась чашка. Там ничего интересного не нашлось. Там вообще ничего не было. Хозяин с недоверчивым видом вернулся в кресло.

Определённо, Мортиров сегодня был не в духе.

После недолгого размышления Роман Палыч затаил безадресную обиду: ну что за несчастная жизнь у него – никак не дадут сублимироваться хоть во что-то... Вот попробуй хотя бы стукнуть рукой о стол – он мгновенно смягчит удар, чтобы ни в коей мере не повредить слабую ладонь своего хозяина.

Или вот если попытаться со злости – ну так, чисто гипотетически – разбить зеркало в прихожей... А вот и дудки – зеркало или увернётся, или тоже изменит параметры своей твёрдости в сторону умягчения. Причём вместе со стеной, что позади него.

Да что там, даже ногу нельзя ушибить о подвернувшийся не к месту стул – та же противная, мягкая последовательность событий! Даже просто упасть на пол по-людски – с размаху, громко – и то не дадут: будешь долго подпрыгивать, как на батуте. А потом этот самый пол обнимет тебя снизу, и начнёт потихоньку массировать, одновременно осторожно подогревая хозяйские тела. Тьфу! Осточертело!

На глаза попала яркая книжонка. Роман Палыч взял её и открыл на первом попавшемся месте. Это оказался сверхмодный детектив по свободной рассылке. Назывался он «В трущобах

¹ Обои, которые называются самоклеящиеся, самомоющиеся, самокрасящиеся и т. д. Список определений «само-...» прилагается к самочитающейся инструкции по пользованию.

подпространства». Книга, говорящая на всех языках и показывающая всё без купюр и рекламы (не то что Гв² общественного пользования...), начала декламировать текст замогильным голосом:

– ...инспектор О'Лось ледяным взором пронзил подозрительную фигуру, тайно поджидавшую его в сорока шагах неподалеку, и та послушно подняла преступные конечности вверх...

«Безмозглый, безрукий, безногий, безрогий, без...» – Роман Палыч начал методично подбирать самые уничижительные, порой переходящие в уничтожительные, эпитеты для инспектора; однако быстро устал. Поэтому в итоге заключил: «Мелкий О'Лень. Да и вообще, к чему эти дурацкие англицизмы? Просто Олень, и всё тут!»

Мортиров раздражённо стукнул книгой о стол. Та от неожиданности громко выронила из себя пару непечатных выражений, отчего у Мортирова полезли вверх брови. Впрочем, книга тут же извинилась и немного покраснела обложкой.

Роман Палыч снова взял в руку книгу и посмотрел на неё повнимательнее: автор – Л. Писакин. «Скорее всего – Лев», – издевательски подумал Роман Палыч. На титульном листе книги тут же появилось полное имя писателя – Лев Писакин. Мортиров изумлённо стал смотреть дальше: издательство «Пером и Топором» медиахолдинга «Радость-в-Нагрузку». Н-даа...

«Пожалуй, вернее было бы написать „Топорное Перо“» – злорадно подумал Мортиров, и увидел, как предложенная им версия названия издательства тут же отразилась на обложке. Снова подивившись метаморфозе, вновь открыл книгу – инспектор на всех страницах именовался не иначе, как Олень. Занятно...

Полистав страницы ещё пару секунд, Мортиров вновь бросил тоненький томик на стол.

Теперь Роман Палыч тупо сидел в кресле. Он впал в буйное замешательство. Вероятно, неосознанно подражая инспектору, с нехорошим выражением лица сверлил взглядом злосчастную чашку с вновь налитым кофе. По комнате разносился скрежет недавно отремонтированных зубов Мортирова и пахло горячим напитком.

Исчерпав до последней капли все ресурсы неподвижности, Мортиров вскочил, принявшись нервно вышагивать по комнате. Это бодрое занятие навело на раздумья, и он понял причину своей меланхолии: ему стал вконец ненавистен домашний покой. Сразу захотелось совершить плохой поступок, сцепиться с крокодилем и выломать ему зуб. Или просто громко поскандалить с кем ни попадя.

Но вот беда – всех мало-мальски диких зверей, кто до сих пор не вымер, давно рассовали по заповедникам, куда трудно попасть и ещё трудней с кем-либо сцепиться – нельзя!

Наскандалить? Порядочный, всеми уважаемый человек, почти старший научный сотрудник в солидном технико-технологическом институте, и – скандал?! Чёрт его знает... Как-то так неожиданно даже для него, Мортирова.

А уж о чём-либо более решительном нечего было и думать – лет триста (ну хорошо, хорошо – двести) как во всём мире воцарилась благодать. «Да и разучились поди прилично воевать-то!» – презрительно, провокационно подумал Мортиров.

Оставалось разве что учинить какую-нибудь мелкую пакость, уподобившись соседскому Вовочке, любившему кидаться песком в воробьёв, по этой причине прыгающих во дворе подальше от озорника. Просто играть, как все остальные дети, этот ребёнок не умел.

Роман Палыч с тоской вздохнул – ну это, блин, совсем уж... Того... Как-то вовсе не повзрослому было бы...

² Гв – голографическое видение, в просторечии «головидение». Пришло на смену экранному телевидению.

Стоп, стоп! Игра!.. Мортиров даже завертелся ужом на месте, ожесточённо сжимая руками виски. Игра...

Он снова плюхнулся в кресло. Взял в руку объёмный карандаш³ и ткнул перед собой: раз кружок, два кружок, ножки-ручки, огуречик... Вот и вышел, вот и вышел...

Через полчаса судорожные зигзаги карандаша прекратились. Глазам Романа Палыча предстал мощный подбородок на квадратной роже механического дикаря. От его плотного тела с узловатыми конечностями исходила первобытная, какая-то звериная сила. Единственным очеловечивающим органом были кружочки-глаза. Они-то и придавали нарисованному облику некоторый осмысленный вид.

Роман Палыч радостно отбарабанил на своей тощей груди воинственную дробь, да так упоённо, что даже закашлялся. Но нисколько не огорчился – кажется, его унылое существование начинало обретать хоть какое-то разнообразие...

II

Утром Мортиров как на пружинах помчался на работу. Коллеги, не привыкшие к его столь кипучей деятельности, весь день не переставали удивляться. При этом они не подозревали, что тот занимался порученным ему проектом автоматической ложки-вилки-ножа чисто символически. На самом же деле Роман Палыч потихоньку таскал к себе в стол электронные узлы из соседних лабораторий. Под вечер этого добра набралась целая сумка. Её нужно было доставить домой.

Конечно, можно было не мудрствовать, а просто телепортировать её вместе с содержимым в близлежащий от своей квартиры почтовый терминал прямо с институтского транспортного узла, что располагался на том же этаже, что и его «отдел пищевых разработок». Но могли возникнуть вопросы – что, куда, откуда?..

Чтобы не опростоволоситься, на следующий день Мортиров хитро обработал вахтёра Строгова, пообещав соорудить для его внучки-школьницы автоматического консультанта, а попросту говоря – подсказчика. На что вахтёр старательно отвернулся, когда Роман Палыч в конце дня протащил свой баул через выход.

Ещё через сутки Мортиров зашёл в «Детский мир», где нашёл очень неплохой конструктор строительных роботов. Крепкие конечности по какой-то причине были лишены окончаний в виде кистей рук и стоп, но очарованный игрушками Роман Палыч почему-то совершенно не обратил на данное обстоятельство никакого внимания. Он купил пару строительных роботов. Их рожи поразительно напоминали его вчерашний эскиз.

Однако дома ждало разочарование: открыв большую коробку, доставленную служащими магазина, он издал возмущенный вопль – роботы были на гусеничном ходу! А это категорически не устраивало Мортирова. Да ещё руки, ко всему прочему, были оборудованы какими-то замысловатыми съёмными манипуляторами. Но, с другой стороны, руки, сами руки с бицепсами и трицепсами были восхитительны! А рожи! Они внушали прямо-таки мистически-эстетическое наслаждение!

Роман Палыч поразмыслил, и на следующий день, естественно, после работы, снова зашёл в тот же магазин игрушек, где купил уже целую команду футболистов – у них всех были замечательные ноги. На этот раз, выбирая товар, Роман Палыч подошёл к этому ответствен-

³ Голографический карандаш. Рисует в воздухе объёмные изображения.

ному делу с максимальным тщанием: каждую ногу несколько раз щипнул за икру и даже выше, вплоть до ягодицы.

В процессе тестирования синтетических мышц сам акт выбора тел неожиданно обрёл для Мортирова некую интимность: Роман Палыч вдруг почувствовал, как его с головой накрыл непонятный даже самому себе определённо плотский восторг. А когда дело дошло до рук, то он и вовсе пришёл в полнейший восторг. Правда, на этот раз вполне утилитарный и понятный – они имели нормальные кисти с пальцами, то есть – кулаки!

Придя домой и дождавшись доставки из магазина, он первым делом открутил футболистам головы и немедленно выкинул их на помойку. Во-первых, ему не нравились лица игроков. Уж очень они были смазливые, даже симпатичные. А уж если быть предельно честным перед самим собой, то отвратительно красивые!

Во-вторых... Тут Роман Палыч замешкался. Он ведь точно знал, что было что-то такое, что характеризовало это самое «во-вторых»... Ну да ладно.

Ну а в-третьих... А в-третьих – он просто не любил, даже очень не любил футбол. Впрочем, как и всякий другой вид спорта, кроме рукоприкладного.

А вот ноги... Две их пары он вместе с бутсами сразу трансплантировал на тела строителей, заодно переставив на место манипуляторов кулаки футболистов. Честно говоря, так себе кулаки, но всё же... Вот теперь, пожалуй, всё было готово для начала создания его солдатиков. Всё было, как нужно!

Целый месяц Мортирова буквально качало ветром на работе. Он практически не спал ночами, создавая солдатиков. Впервые свою энергию, которой оказалось на удивление много для его субтильной фигуры, он с завидным упорством расходовал на достижение поставленной цели. Пусть даже и в свободное от основной работы время.

И вот настал долгожданный день – оба робота были собраны. Роман Палыч вспотевшими от волнения руками закрутил толстые крышечки у них в подмышках, куда предусмотрительно вывел концы основных коммуникаций, ведущих к головным схемам и другим исполнительным устройствам внутри тел. Затем несмываемой краской написал на лбу одного цифру «1», у второго, соответственно – «2». Всё, солдатика готовы!

Это были крепкие, абсолютно голые розоватые синтетические тела с электронной начинкой собственной разработки Мортирова. Что называется, с нуля.

«Творец» дрожащими от нетерпения пальцами ощупал их руки с обрешиненными кулаками. С чувством, трепетно, целиком огладил оба своих создания, не слишком критично оглядев напоследок, и довольно противно – музыка не являлась сильной стороной его чрезвычайно одарённой натуры – пропел торжественный туш, который, как ему представлялось, полагался для исполнения в подобный знаменательный момент. Квартира тут же снивелировала невысокое качество его вокала своим высокопрофессиональным, встроенным аккомпанементом, который включился и заиграл ровно в тот момент, когда зазвучали и были опознаны первые нотки дребезжащего голоса Мортирова.

Солдатики недвижно стояли, застыв друг против друга. Мортиров приказал им включиться. Два небольших робота «а-ля голая обезьяна» очнулись, но сразу же попадали на пол.

Н-да... Роман Палыч на всякий случай полистал «Инструкцию...» к купленному набору строителей. Проглядел её от корки до корки, но не найдя ничего нужного для себя, в сильнейшем раздражении выкинул «Руководство» в произвольном направлении.

Мусоропровод мгновенно выдвинул длинную руку, которой схватил на лету тоненькую брошюрку. Манипулятор мусоропровода, о котором идёт речь, вместе с зажатым в нём пред-

полагаемо ненужным предметом застыл в воздухе. Причём в виде вопросительного знака. И похоже, не случайно. Непосредственно сам мусоропровод спросил хозяина по громкой связи о своих дальнейших действиях. Не получив ответа, сам предложил на выбор несколько вариантов:

- положить на стол;
- положить под стол;
- положить...

Мортиров, чрезвычайно занятый своими мыслями, оборвал на полуслове поток предложений, машинально посоветовав говорящему засунуть инструкцию себе в дырку... Это было воспринято как приказ, и гибкий манипулятор моментально заширнул книжицу себе в тут же открывшееся, дурно пахнущее отверстие, которое сразу же после совершения акта утилизации исчезло, будто и не появлялось вовсе. Зато в воздухе немедленно распространился аромат дезодоранта.

Мортиров, внезапно очнувшись от раздумий, вскочил с места и вновь активировал мусоропровод, заставив того открыть свои недра. Утилизатор повиновался, широко разверзнув прямо перед хозяином свой свободно блуждающий приёмный зев. Роман Палыч без колебаний, но с некоторой опаской сунул в него голову, повертел там ею в разные стороны до хруста в шее, рискуя свернуть её. Он явно пытался что-то разглядеть. Не найдя ничего подозрительного и крайне разочаровавшись тяжёлым духом, царящим в скрытой глубине, вынул голову назад. После чего снова окунулся в размышления.

А они были нерадостные. Роман Палыч понял, что допустил большую ошибку на самой первой стадии изготовления своих игрушек: несомненно, он зря выкинул головы спортсменов – футболисты ведь умели не то что ходить, но даже очень хорошо бегали! Как-то совершенно необдуманно была упущена из виду эта важная особенность!

Впрочем, что уж жалеть о гладеньких причёсках футболистов, когда сами их головы теперь неизвестно где! Да и вообще, нужно было покупать боксёров!

Роман Палыч застыл, оглушённый изяществом запоздалой мысли: а ведь и правда, у тех и с руками-кулаками всё как нельзя хорошо, да и с ногами не хуже... К тому же лица тоже... не того... «Вот уж действительно – на каждого мудреца довольно простоты...» – окончательно добил себя Мортиров несвойственной самому себе, по всей видимости, ещё школьной начитанностью, покрывшись густым стыдливым румянцем.

Увы, теперь ничего другого, как начать самому учить ходить своих подопечных, не оставалось. Чем он и занялся по наитию, делая это с большой, можно сказать, – тщательной любовью, словно оправдываясь перед природой за собственную бездетность. (Мортиров решительно, напрочь отвергал женитьбу как для заведения потомства, так и ради разного рода других интересов, включая развлекательно-познавательный аспект.)

Сам по себе процесс прямостояния и неизбежно следующей из него ходьбы на двух ногах оказался непросто. И конечно, поначалу не обошлось без маленьких огорчений в виде беспрестанных падений, ушибов и следующих за ними лёгких сотрясений в головах солдатиков, из-за чего нередко движение обучаемых объектов происходило совсем не в заданную сторону. Роман Палыч вынужден был непрерывно укреплять «мозги» подопечных двойной, а то и тройной пропайкой составляющих их компонентов. И, как оказалось, труд был не напрасен: появились первые маленькие радости. Тот, кто был под номером «1», научился бегать на четвереньках раньше своего единосхемного брата. Зато второй общоголял собрата, когда пришла пора становиться на две ноги. Вскоре оба шлёпали по полу, как неуклюжие цирковые медвежата.

Вот только теперь, преодолев первую ступень начального образования роботов, можно было продвигаться дальше, к намеченной цели. Поэтому Мортиров вскоре снова поставил питомцев лицом к лицу и приказал разозлиться друг на друга. Те едва не поплавили свои прямолинейные схематические мозги от непонятной команды. Хорошо, что Роман Палыч вовремя заметил лёгкий дымок из головы «Второго», и тут же отменил свой приказ.

«Вот дубы-то, – с горечью констатировал он. – Просто дикари!» Теперь стало понятно, за какую трудную задачу он взялся.

Слово «дикарь» немедля прижилось в мозгу самого Мортирова, не вызывая никакого отторжения своей нарочитой резкостью. Наоборот, оно, как посчитал творец игрушек-солдатиков, на данном этапе их существования наиболее полно соответствовало интеллектуальным возможностям оных. Да и, по большому счёту, целям, поставленным перед ними.

«Решено, – постановил для себя Роман Палыч, – отныне будут дикарями».

Хочешь не хочешь, а пришлось подстраиваться под своих дикарей: Мортиров упростил задание, приказав Первому подойти ко Второму, чтобы стукнуть того. Первый шагнул, но снова застыл.

Роман Палыч «возвёл очи горё» и примерно туда же воздел руки. Несколько секунд молча тряс кистями, шевеля пальцами в порыве неутешного расстройств. Затем, видимо, устав, глаза и руки «предал долу». Сам их обладатель всё ещё пребывал в состоянии бессильной ярости – да что же это такое! Ничегошеньки не выходит, как ни старайся!

Несколько минут творец боролся с острым желанием послать всё к чёрту, а то и подальше – к его матери, но что-то всё время удерживало от такого естественного, но крайне безответственного шага. Ещё через пару-тройку минут он успокоился, и принялся рассуждать трезво: «Ничего. Всё правильно – академией они не заканчивали, и в школу их не водили. Да и на кой ляд им „Аз и Буки“ преподавать?»

Внезапно развеселившись, Роман Палыч мелко-мелко захихикал, представив картинку: его «мальчики» чинно сидят за столом, старательно вытягивая руки на вопрос учителя о том, сколько будет дважды два. Не дождавсь реакции учителя, затевают между собой лёгкую возню, постепенно переходящую в бурную потасовку. В классе начинают летать по воздуху книжки...

– Нет, мои маленькие дикари, не будет этого, – громко обратился он к рядом молчаливо стоящим питомцам. – Я вам другую науку преподаю. Ту, что делает сильным и жёстким. А лучше – жестоким! И так вокруг одни «христосики» ходят: «Пожалуйста! Извините! Прошу Вас!..» Тьфу! Превратили всё вокруг в благостную жижу и лежат в ней, похрюкивая...

Непонятно, что больше явилось причиной столь эмоционального спича от Роман Палыча, адресованного своим безгласым слушателям. Скорее, нежелание последних драться, чем общее недовольство всеобщим состоянием общественного устройства. Тем не менее Мортиров, донельзя взвинченный своей экспансивной тирадой, во время которой он, кажется, даже брызнул слюной на Первого, уже не мог себя сдерживать, вследствие чего принялся демонстрировать дикарям приёмы рукопашного боя на самом себе. В этом непростом, а точнее – весьма сложном деле он вовсе не являлся хоть каким-то умельцем-разрядником, поэтому скорее навредил себе, нежели защитил себя от самого себя: на правой скуле быстро зарделась приличная ссадина.

Но даже это небольшое неприятное повреждение не охладило пыл, а лишь ещё более раззадорило Мортирова. Довольно потешно, боком, как рассерженный кот со вздыбленной шерстью, он подскочил к ближайшему роботу, а затем легонько стукнул его своим сухоньким

кулачком в область лица. Бедняга 2-й – а это был он – полетел наземь. Да и немудрено: при всей своей щедрости Роман Палыч вдесятеро превосходил размерами и массой Второго.

Однако кулак свой Роман Палыч отбил напрочь. Пришлось оказывать себе скорую медицинскую помощь: слабым, «умирающим» голосом он позвал на выручку «Аптечку»⁴. Та немедленно развернула «санитарный уголок»⁵ и, уложив на стерильную тахту стонущего, отчаянно трусившего Мортирова, принялась вместе с ним охать и ахать, чем неосмотрительно привела пациента в состояние неуверенного баланса между крайним бешенством и столь же амплитудным страхом немедленной смерти непонятно от чего. К счастью, вскоре, после принятия каких-то, скорее всего успокоительных, медикаментов неустойчивое психическое состояние пациента сменилось необузданной радостью. Едва сдерживая себя, Мортиров на пару со своим повреждённым кулаком всё же вытерпел все положенные лечебные процедуры. А после того, как рука была замотана бинтом и подвешена на поддерживающую повязку через плечо, то даже почувствовал себя раненым на поле боя. Это оказалось неожиданно приятно. А для изъязвлённого временными неудачами самолюбия так и вовсе явилось настоящим эликсиром здоровья. Мортиров внезапно заснул.

Проснувшись под утро и почувствовав себя гораздо лучше, Роман Палыч, благо путь был недалёк, сбежал из койки «лазарета» в свою обычную, гражданскую кровать. Хорошо выспавшись, демонстративно выставил напоказ руку на лубке, и вместе с ней торжественно примкнул к своему воинству. В этот момент Роман Палыч явственно ощутил, как сильно вырос его авторитет в собственных глазах...

Уже перед тем, как отправиться на работу, Мортиров вновь попытался инициировать схватку дикарей, громко подав команду «фас», естественно, выражаясь фигурально; и был буквально поражён тем, насколько порой оказывается верна народная мудрость, что «утро вечера мудренее»! Причём не только для самого наблюдательного народа, но и для иного стороннего робота: случилось чудо – роботы явно взялись за ум. Похоже, за ночь что-то в их мозгах сложилось в чёткую программу действий. Роман Палыч мог искренне гордиться своим преподавательским талантом: наука предыдущего дня (на примере показательного удара Мортирова по голове дикаря) оказалась вполне прикладной, сколь бы и кому бы ни казалась поначалу примитивной.

Как бы то ни было, но после прозвучавшего приказа на драку, последовавшего от военачальника Мортирова, Первый, нисколько не колеблясь, треснул Второго. Тот рухнул навзничь так интенсивно, что Роман Палыч всерьёз забеспокоился о сохранности паркетного покрытия пола своей квартиры. Способный парень оказался этот Первый; да и сила в нём изначально была заложена немалая: как-никак, – строительно-монтажные мускулы. А там слабых не держат...

В ответ Второй после соответствующего указания своего «начальника стройки» Р. П. Мортирова с тем же успехом повторил тот же самый трюк на Первом.

На радостях Мортиров, боясь спугнуть удачу, тут же выключил обоих бойцов «от сети», и с лёгким сердцем помчался на работу.

Пожалуй, это был самый длинный рабочий день в его жизни. С огромным трудом высидев его до конца и необратимо изогнув опытный образец ложко-вилки, Роман Палыч стремительно

⁴ В данном случае Аптечка-Д (домашняя) – домашний компактный автоматизированный медицинский комплекс.

⁵ Совершенно изолированное небольшим пространством одно- или несколько койко-мест (в зависимости от модели Аптечки и числа проживающих в квартире или доме) для больных с необходимым оборудованием.

возвратился домой. А там, в этот счастливый для себя вечер, совершенно обессилел, покуда бесчисленное количество раз посылал своих бойцов в «нокаут», натравливая друг на друга.

Ночью ему был сон – в бесконечном повторе виделось, что он кричит Первому: «Раз!» И тот, сделав шаг вперед, бьёт Второго точно в нос. Второй, отступив после удара назад, тут же получает команду: «Два!» После чего трещит нос уже Первого... И хотя сон, как говорят знающие, с трудом поддается авторской режиссуре, Роман Пальчу во время своего просмотра всё же удалось так расшевелить темп «представления», что роботы с калейдоскопической быстротой реагировали на его такие же стремительные команды. И это оказалось столь же сладостно, сколь и мучительно.

Естественно, утром Мортиров встал с больной, распухшей головой, в глубине которой гулко раздавалось: «Раз! Два! Раз! Два!...» Руки также были заняты своей, самостоятельной жизнью, и как-то странно подёргивались, вроде как пытаясь провести хук, апперкот и крюк одновременно. Выходило довольно коряво, но что гораздо хуже – непроизвольно, поэтому со стороны выглядело как проявление некоторого психического нездоровья. А ещё в это же утро у Мортирова появилась странная привычка время от времени трогать себя за верхнюю губу. Будто проверяя её. А чего проверять-то? Губы его, как и остальное лицо, от рождения и до зрелого возраста никогда не знали бритвенного крема⁶. Не росли на его лице, да остальном теле, волосы, исключая, конечно, брови и ресницы. Ну и причёску, разумеется.

Так вот, поскольку встал он с «разбитой» головой, а болеть, как и все нормальные люди, не любил, то этакое крайне неприятное положение вещей в будущем вовсе не прельщало. Поэтому Мортиров вновь забрался в электронные недра своих подопечных. Для начала необходимо было изгнать из них крайнюю созерцательность и вселить на временно опустевшее место хотя бы зачатки самостоятельности, коего, по мнению творца, так не хватало этим бесхитрым головам, из-за чего голове самого Романа Пальчу приходилось работать с явной перегрузкой, контролируя буквально каждый шаг каждого робота. Затем необходимо было запустить процесс самосовершенствования дикарей. А попутно, как наиболее простое и быстрое решение, сулящее интересный результат, он снабдил роботов датчиками тактильных ощущений, реагирующими на грубое физическое воздействие извне. Иными словами, научил дикарей чувствовать боль.

После первого же обмена ударами дикари стали опрометью разбегаться, увидя перед собой «взведённый» кулак. Мортиров аккуратно изловил обоих, и тут же произвёл ещё одну операцию над ними, поскольку, как оказалось, теперь крайне требовалось добавить в характер дикарей огромную долю неукротимости напополам с полной решимостью биться до конца. Несмотря ни на что.

Теперь Мортиров не успевал менять их кулаки: в течение часа футбольная кисть сначала превращалась в размочаленный комок, а затем полностью разлеталась вместе со всей более твердой основой – никто не хотел уступать, несмотря на страшные, состроенные от боли рожи, что корчили дикари во время драк. Эти гримасы однозначно показывали, что роботам было действительно не по себе. А насколько – да кто ж мог сказать? Поди разбери эти искусственные чувства и простенькую, встроенную на заводе-изготовителе лицевую мимику! Никто на свете, включая самого их создателя, не мог покуда точно знать, что именно творилось под толстыми сводами черепов этих существ, описать со всей определённостью, что они на самом деле «ощу-

⁶ Крем, удаляющий волосы безопасным, безболезненным методом.

щали». Вот если бы роботы умели говорить, то да! Если бы Мортиров мог их слышать, тогда конечно! Особенно, если бы при этом он смог их понять, то, вероятно, поразился бы отчаянным воплям сквозь слёзы. Но слёз тоже не было. Не умели солдатики их проливать.

Роман Палыч почесал лоб, тем самым взяв на заметку, что в ближайшем грядущем стоит вплотную заняться решением доселе молчаливого, но заговорившего вдруг во весь голос вопроса озвучки дикарей.

Однако про руки. Их проблему нужно было решать тотчас. Роман Палыч изначально предполагал, что непрофильные кулаки могут оказаться недостаточно прочными, но вечный русский авось и с ним сыграл дурную шутку – не пронесло. За день приходилось менять окончности рук у роботов до двадцати раз. Но что гораздо неприятнее – через пару минут схватки напрочь терялась зрелищность боя, так как глядеть, как роботы машут разбитыми в лохмотья руками, было невмоготу. Мортиров опять отправился в магазин...

...Теперь дикари выглядели очень внушительно, словно истые профи-мухачи на боксёрском ринге, поскольку обзавелись настоящим, продвинутым инвентарём от «Качка»⁷ – замечательными перчатками облегчённого типа из особо прочного сталепластика.

Кстати сказать, кисти рук Роман Палыч взял тоже от игрушечных боксёров, купив несколько десятков соответствующих ремкомплектов и в процессе доработки значительно усилив их компоненты, чтобы снова не «обжечься на молоке». И надо сказать, они, кулаки, вышли на славу: основа их кисти была куда как прочнее, нежели у злосчастных футболистов; однако процесс переделки занял значительное время. Мортиров уже терял остатки терпения, доводя модернизацию до конца. Зато по её завершении дело пошло гораздо веселей. А какой сочный звук обрели удары!

И снова незадача! За пару часов интенсивного боя лопались кости предплечий каждого бойца, превращаясь в бесполезные осколки. Напрашивался простой вывод: похоже, требовалось укрепить «арматуру» рук до локтя, а лучше, если и до самого плеча. Мортиров после недолгих размышления на эту тему установил на каждое предплечье и плечо по демпферу, задача которого состояла в том, чтобы в случае критического удара поглотить часть энергии, не давая ломаться кости. И только теперь руки стали по-настоящему надежны.

Драки в перчатках, как показалось поначалу, выглядели неплохо. Но что-то неуловимо изменилось, и кажется, не в лучшую сторону. Роман Палыч был не на шутку озадачен, не в силах сообразить причину загадочной метаморфозы; и, надо признаться, понадобилось немало мыслительных усилий с его стороны, пока выяснилась скрытая подоплёка его непонятного недовольства: оказывается, удельное шокирующее действие удара дикаря стало меньше даже несмотря на некоторый прирост общего веса руки-кулака. Однако в итоге немного увеличившаяся мощь удара парадоксально уменьшилась, поскольку стала более распределённой. Т.е. – на единицу площади лица дикаря стало приходиться меньше ударных джоулей. Или килоджоулей? Да и демпферы сыграли свою негативную роль...

Найдя ответ на этот непростой вопрос, Мортиров тут же принялся мастерить соответствующий индикатор, чтобы внедрить его датчики в самые удароопасные места дикарей. Как оказалось, никакими килоджоулями здесь и не пахло. Тем не менее средняя величина удара в 3,5 джоуля в пересчёте на человеческие возможности оказалась очень даже неплохой, и она со временем явно возрастала. Роман Палыч визуально отмечал эту очевидную для него прогрессию с начала боевой деятельности своих роботов.

⁷ «Качок» – легендарная марка высококлассного спортивного инвентаря из-под Волгограда.

Впрочем, появилось одно неприятное обстоятельство, совершенно не устраивавшее творца. Оно заключалось в том, что после «спортивно-боксерской» модернизации дикари абсолютно не могли делать ничего другого, как только махать кулаками: любой может попробовать хоть что-то произвести по хозяйству в толстой перчатке – ничего путного не выйдет! А Мортирову требовались бойцы, умеющие многое. Скажем, хотя бы взять в руку камень...

Дикари вновь оснастились «голыми» кулаками, легко превращавшимися в случае надобности в обычные ладони с пальцами. Увы, расход разбитых пятерней опять полез вверх.

Пройдя описанные этапы, так сказать, малого круга ада, Роман Палыч на своём тяжком опыте лишний раз убедился в справедливости тезиса – усиление нагрузки в одной части конструкции неизбежно тянет за собой соответствующие изменения в другой. Если кратко, то любой мало-мальски сложный проект нужно рассчитывать как тактически – подетально, так и стратегически – в общем. Как большой инженер (а именно таковым Мортиров себя и считал), он не должен был об этом забывать никогда. О чём речь? Да о том, что дикари оказались весьма восприимчивы к «наукам», которыми Роман Палыч так заботливо напичкал их: саморазвитию и самосовершенствованию. Роботы скомпенсировали все предохранители, в короткий срок значительно нарастив силу своих ударов. Как следствие, теперь руки дикарей гарантированно вылетали из плечевых суставов уже через полчаса интенсивного столкновения.

Кроме того, вскоре в одном из боёв у дикаря №2 напроць отлетела голова – не выдержал возросших ударных нагрузок главный верхний шарнир центральной арматуры-позвонка. Мортиров тут же взглянул на показание КИП: энергия удара дикаря №1 составила целых 5 Джоулей! Оказывается, чтобы достичь такой мощи, Первый самостоятельно и втайне ото всех затянул демпферы своих рук до предельной жёсткости, увеличив её почти до единицы – максимально возможного значения.

Мортиров не стал журить робота за самоуправство – зачем же бить по рукам инициативного бойца, ведь тот «хотел» как лучше. Да и потом, не того ли он сам добивался от обоих воинов? Однако шарниры голов обоих дикарей пришлось заметно усилить; впрочем, как и плечевые суставы.

Закончив эту работу, Роман Палыч весьма кстати вспомнил одно интервью на Гв в рамках передачи «В мире животных», взятое ведущим у «Мудрой Курочки-Несушки»⁸. Так вот, она, будучи как бы в полутрансе, изрекла, вернее, – прокудахтала: «Яйцо нужно нести целиком, а не частями!»

Кстати говоря, с тех пор, как люди научились понимать речи животных, те, к всеобщему удивлению, оказались довольно афористичны. Так, одна подопытная мышь, кажется, белая (из другой Гв-передачи), из небольшого числа тех избранных, кто смог после экспериментов дожить до статуса телезвезды, как-то невзначай обронила: «Если отбросить плитус, горизонт неимоверно ширится!» К чему именно это было сказано, Роман Палыч не успел вспомнить, т.к. мысль его внезапно споткнулась на ровном месте, запнувшись и моментально забывшись. Поэтому Мортиров тут же вернулся к своим баранам, то бишь – роботам.

И вновь творец-игрок был недоволен – опять чего-то явно недоставало для полноты чувств. Пресновато проходил каждый бой. Чрезмерная, бескомпромиссная прямота Первого и такая же предсказуемая бесхитрость Второго стали наводить на их создателя зелёную тоску, которая день ото дня становилась всё гуще. Мортиров подспудно понимал: требовалась «изюминка» – динамика событий, нанизанная на более извилистый сюжет.

⁸ Известная прорицательница породы «костромская пёстрая».

Поначалу Роман Палыч решил обойтись чисто косметическими мерами, для чего прибавил обоим бойцам звероподобности. Ну так, чуть-чуть, снабдив каждого пышной шевелюрой. Причём Первый получился иссиня-чёрным брюнетом, а Второй – настоящим блондином. К каждой причёске прилагался обязательный набор густых волос на груди, спине, руках до локтя и ногах до колен. Именно так, видимо, представлял себе Мортиров настоящего брутального самца.

Предварительно оглядев своих модифицированных бойцов, Роман Палыч довольно крякнул и погладил каждого по спине – шерсть получилась средней жёсткости. Как раз то, что и было нужно.

Через день, однако, после ряда тестовых боёв, блондина пришлось несколько затемнить. Его белая опушка плохо смотрелась издали, поэтому отныне он стал слегка мелированным шатеном. А его «меховой подбой» на груди и спине контрастно выделялся тремя чёрными продольными полосами, подчёркивающими бледную розоватость тела.

Конечно, Роман Палыч отметил свою излишнюю склонность к украшательству, но корить себя не стал. Так ведь и в самом деле – насколько хорошо отделаешь своё творение (в художественном смысле), настолько замечательно оно и будет глядеться со стороны.

Тем не менее предпринятые изменения ни в коей мере не изменили кардинальной схемы боёв. Каждый дикарь, будь то тёмненький или же светленький, дрался до последнего своего кулака, упорно стоя на своём месте, зачастую разбивая руки до самых локтей.

Именно эти тяжёлые, изнурительные раздумья Роман Палыча над повторяющимися изо дня в день, однообразными по сути и форме боями и привели его к осознанию скрытой доселе истины: его подопечным крайне недостаёт изворотливости, хитрости. Им как воздух требовалась способность обвести противника вокруг пальца, чтобы победить не просто любой ценой, а с наименьшими потерями. А поскольку ни малейшего опыта в таком деле у него самого не было, то именно таким сложным, эмпирическим путем Мортиров нащупывал главные принципы ведения военных действий своими солдатами. Это было самое трудное, чему пытался научить питомцев Мортиров. Пожалуй – самому главному в науке побеждать врага.

Проведя поверхностный психоанализ самого себя, Роман Палыч тут же обнаружил в себе задатки изворотливости и подлости, которые немедленно и безостановочно принялся саморазвивать. Более того, только благодаря этой, с нежданной радостью обнаруженной в себе беспринципности, довольно легко конвертировал эти качества в поведенческий алгоритм своих солдат.

Сложность заключалась в том, что сам Мортиров был настоящий человек, что как раз и позволило довольно легко постичь механизм обмана. Гораздо трудней было научить этому дикарей, которых никак нельзя было причислить к живым существам. Однако, если за дело берётся дилетант, то результат, как правило, легко предсказуем: либо он будет успешным, либо нет. Итог стараний «Главного Психолога» М оказался положительным. Все нужные факторы были учтены, рассчитаны и внедрены в математическую модель сознания дикарей. Таким образом, этот совершенно непредсказуемый по итогу трудный этап обучения роботов также был благополучно преодолен: они стали более избирательны по своим действиям в схватках. Можно сказать, стали гораздо изобретательнее, научившись бить в спину...

С этого времени Мортиров едва высиживал на работе положенные шесть часов, а затем гладкое, но чем-то сильно озабоченное лицо его просветлялось. Далее Роман Палыча уже ничто не могло удержать на рабочем месте. Он нервным шагом ускользал домой.

III

Меж тем на самой работе творилось неладное. Все вдруг стали замечать, что с Мортировым что-то не то...

Раньше тот был мужчина хоть куда, такой замечательный в любых отношениях. Можно сказать, заметный... Правда, безо всяких ненужных претензий: ни в космос не рвался, ни в глубь океана не спешил. Но этим-то и был ценен в некоторых, в основном женских, кругах. Он не пропадал сутками в лаборатории, как другие. Проходя мимо дамы, непременно с улыбкой выдавал в меру галантный, хотя и стандартный комплимент. Да и вообще... Подавал хоть и пустые, но всё же надежды.

А теперь?.. Худой, как щепка (куда делась его приятная закруглённость силуэта?), ни одну женщину не замечает, чем тут же настроил их против себя. С коллегами не разговаривает. Часто сидит, словно истукан, вперив горящие странным огнём глаза прямо перед собой. У кого-то из женщин мелькнуло было высказывание – мол, уж не влюбился ли наш Мортиров? Но что-то подсказывало окружающим, что нет. Не очень-то похож был наш Роман на Ромео... Особенно, когда зловеще ухмылялся, ощеривая длинные передние зубы, хищно торчащие вперёд и смущающие собеседников.

Роман Палыч Мортиров теперь не ходил, а маршировал, стараясь двигаться либо по прямой, либо чёткими углами, словно выполнял команды «Направо!» и «Налево!». Однажды начальник вызвал его к себе по какому-то пустяковому делу. Мортиров тут же явился и, зайдя в кабинет, пристукнул каблуками, громко отрапортовал о своём прибытии. Это произвело на начальника тягостное впечатление, и он стал всерьёз подумывать – а не предоставить ли Роман Палычу внеочередной отпуск?

Останавливало то, что в их Институт нестандартных разработок поступил срочный заказ от министерства общественного питания на изготовление некоего прибора. И самым подходящим специалистом в этой деликатесной области считался именно Мортиров. Заменить его было некем. Поэтому идея с отпуском пока так и осталась лишь благим намерением.

Впрочем, сам Мортиров чувствовал себя превосходно, вынашивая свои, никому неизвестные планы...

IV

Роман Палыч был глубоко чужд беллетристике, как и она ему, и уж тем более отродясь не читывал её. Кругозор его всегда очерчивался исключительно научно-технической литературой. Однако, являясь абсолютным прагматиком, он безошибочно угадал основные принципы отношений человека с его же нечеловеческими производными. Поэтому ещё на самой ранней стадии проектирования, а затем и практической отладки искусственных мозгов своих дикарей заложил в них все «три закона роботехники»⁹, которые обеспечивали необходимые базовые принципы мирного сосуществования между ним и его питомцами. Но, естественно, далеко не все. А поскольку Мортиров принадлежал к инженерной школе старой формации, той, что свято чтит строгие «Правила Техники Безопасности на производстве», то и в быту придерживался тех же закономерностей. Тем более, что даже самое тщательное соблюдение упомянутых «Трёх Законов...» не отменяло и не подменяло собой действия других столь же основополагающих естественнонаучных устоев, т.е. – законов статистики; а именно – в первую очередь фактора случайности. Как бы ни старались роботы не попасть в своего военачальника хоть рукой, хоть ногой, или вовсе чем попало, а совсем исключить такое нехорошее развитие событий никак было нельзя. Именно поэтому, опираясь на большой массив фактов непредсказуе-

⁹ Первый закон: Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. Второй Закон: Робот должен выполнять приказы человека, кроме приказов, противоречащих Первому закону. Третий Закон: Робот должен заботиться о своей безопасности, если это не противоречит Первому и Второму законам. (А. Азимов)

мости, полученный во время наблюдаемых боёв своих дикарей, Мортиров обнаружил в себе талант теоретика и совершенно самостоятельно вывел «Двуединный постулат», который жёстко заявлял миру:

– Один камень, пущенный одной чужой рукой в случайную сторону, может случайно прилететь в твой глаз.

– Один из множества камней, пущенных множеством чужих рук во множество случайных сторон, обязательно прилетит в твой глаз.

Поэтому, учитывая всё вышеизложенное, а также возникшую мультивариантность поступков дикарей, Мортиров заказал в мебельном магазине довольно обширную, прочную полку, чтобы, сидя в ней, избежать даже единичных проявлений глупой статистики случайных чисел. Мебель эту он повесил довольно высоко на стену.

Тут следует сообщить, что сама стена поначалу упорно сопротивлялась такому вопиющему насилию над собой: она категорически не давала вбить с себя ни одного огромного из числа нескольких гвоздя для крепежа пресловутой полки. Стенка сильно изгибалась, выталкивала из себя гвозди; и даже громко возмущалась:

– Вы не имеете права так поступать со мной!

Роман Палыч продолжал молча бить в стену молотком.

– Я буду жаловаться в АДУ¹⁰! – не унималась в своих стенаниях стена.

Когда этот громкий, ни на секунду не прекращающийся демарш, нервно действующий на уши, а через них и само сознание Роман Палыча, целиком и безвозвратно вывел хозяина жилья из себя, то он полностью отключил скандальный участок стены от общеквартирной контрольно-обслуживающей сети. И таки забил с мстительным удовлетворением гвозди, на которые тут же закрепил спорный предмет домашней обстановки.

Стена некоторое время слегка поёживалась, стараясь стряхнуть закреплённую полку. Это было похоже на то, как человек, или даже любое другое животное, пытается стряхнуть со спины надоедливое насекомое, до которого не может дотянуться рукой или лапой (ногой, хвостом...) по причине её занятости. Ну или по какому другому столь же уважительному поводу. Но через непродолжительный промежуток времени отчуждённый участок стены, похоже, потерял всякую чувствительность и совершенно онемел; а дальше полка висела уже вполне монументально. Поэтому Роман Палыч чувствовал себя в ней абсолютно защищённым.

Хотя, конечно, не вполне... Спустя несколько дней в стену рядом с Мортировым, как он и предсказывал ранее, всё-таки ударило что-то неопознанное и увесистое. Видимо, дикари наконец что-то взяли в руки... Это мелкое происшествие заставило задрожать как непосредственно стену, так и самого Роман Палыча, тут же дооборудовавшего полку толстым стеклянным экраном. Вот теперь его глаза, как и другие органы, были в полной безопасности.

Отсюда, сверху, было прекрасно видно всё вокруг. Притом не мешая возне своих дикарей.

Кстати говоря, когда Роман Палыч обходил магазины в поисках подходящей полки, то случайно забрёл в один строительный отдел. Через некоторое время увиденное там само собой всплыло в памяти, и следующий раз Мортиров уже целенаправленно зашёл в него. Там он приглядел много разнообразных, но что гораздо важнее – полезных вещей и даже комплектов для того, чтобы сделать бои солдатиков более увлекательными. Благо, что даже его весьма скромная по общепринятым меркам квартира в 300 м², находящаяся на ... том этаже ... этаж-

¹⁰ АДУ – ассоциация домашних устройств, заменивших живую домашнюю прислугу. Эта организация отстаивает их права в любых инстанциях, вплоть до судебных разбирательств.

ного¹¹ дома в тихом спальном районе областного мегаполиса, вполне располагала к такого рода декорированию. Так в квартире появились и расположились в живописном беспорядке разнообразные предметы, призванные сделать непрекращающиеся боевые действия внизу – по отношению к «балкону» Главногонаблюдающего – более зрелищными. Этими «безделушками» оказались искусственные валуны, стилизованные под природный базальт, и по приказу Мортирова в большом количестве хаотично разложенные роботами на полу; а также пара весьма запутанных лабиринтов из толстого пластикового частокола, намертво приклеенного всё к тому же многострадальному полу. Мортиров соблазнился даже небольшой рощицей из карликовых деревьев неопределённой породы, которую он самостоятельно, волюнтаристски определил как «карликовый морёный дуб». Мортиров попросил рабочих, доставивших эту попку, высадить деревца двумя небольшими массивами в середине гостиной, которая как раз и служила главной ареной батальных представлений.

Но истинным шедевром комнатного ландшафтного дизайна оказалась... река. Точнее, малюсенькая речушка. Неглубокая, в рост дикарей, но с абсолютно настоящей водой и даже небольшим водопадиком, из которого она, собственно, и проистекала по всей своей незначительной длине. Всё те же рабочие распаковали и запустили водоём опять же в гостиной, аккуратно между двумя половинками рощицы. Получилось очень уютно. Роман Палыч назвал свою реку Унесей.

Правда, рабочим пришлось изрядно повозиться, адаптируя и подключая её так, чтобы она, не дай Бог, не потекла туда, куда не следовало. Ведь изначально, по проекту, речка эта предназначалась для монтажа на открытом пространстве какого-нибудь загородного участка. Но раз покупатель возжелал в квартире – значит, будет течь в квартире! В том смысле, что находиться она будет именно там, поскольку клиент всегда прав, несмотря на то, насколько он прав и вообще – прав ли?.. В общем, рабочие хорошо знали своё дело, поэтому в конце концов благополучно справились со своей непростой задачей.

А ещё через Унесей был перекинут мостик, который хозяин всего этого получившегося великолепия по случаю приглядел рядом со строительным магазином в небольшом ларьке художественных промыслов. Мосток имел перильца. Изящные, словно выточенные не из «как бы берёзы», а изготовленные из чистого воздуха – до такой степени легко, будто паря, держались на таких же кукольных подпорках из ложнолипового штакетника.

V

Роботы бились день ото дня всё лучше. Настолько лучше, что хозяин был вынужден держать на каждые боевые сутки неопределённое количество запасных кулаков, которое неудержимо возрастало. Роман Палыч ломал голову – как выйти из этого затруднения? Даже стал частенько забегать в городской информаторий (библиотеку), где вынужденно впитывал в себя уйму различных сведений, зачастую случайного характера. И вот однажды, наблюдая со своего высокого «полочного» положения очередную потасовку дикарей, его вдруг осенило – а что, если в драке по-боксёрски – руками – подключить ещё и ноги?

Сказать (подумать) – всегда легко, реализовать задуманное – не всегда: поначалу дело шло не ахти. Дикари настырно не желали менять привычек, а потому упорно пользовались ногами не так, как руками. Что и немудрено, если следовать прямолинейной логике искусственного ума: рукам – ручное, ногам – ножное... Но удача снова была на стороне Роман Палыча: там же, в библиотеке, он случайно наткнулся на старинный трактат о пользе каратэ для организма человека. Заинтересовавшись диковинным словом, даже чихнув несколько раз, он про-

¹¹ Речь идёт о домах так называемой «свободной площадоэтажности»: число этажей, а также квартир, непостоянно. Оно может в любой момент времени меняться в зависимости от запросов владельца.

чёл пыльный фолиант на одном дыхании, махом. Затем, вдохновлённый прочитанным, нашёл ещё несколько руководств к действию по некоторым другим столь же оздоравливающим комплексам: дзюдо, самбо и ещё парочке таких же древних видов единоборств. Всё прочитанное оказалось настоящим спасением для Мортирова, вконец измученного нехваткой сменных окончаний конечностей своих солдатиков. Более того, системы эти были полностью готовы к употреблению.

Читая найденные руководства, Мортиров не уставал восторгаться: «До чего умные предки были, как ловко умели драться! Не то что нынешние...» (Дальше неизменно следовало ранее произнесённое высказывание о хрюканье и жиже...) Теперь оставалось всё прочтённое применить на практике, и Роман Палыча не останавливало предупреждение, что каждый комплекс требовал многих лет обучения. Мортиров был верен себе, поскольку был свято верующим в себя. Он верил в своих дикарей. Он верил в грядущий успех на ристалище, удобно расположенном перед его глазами. Мортиров почему-то нисколько не сомневался, что его орлы за сутки постигнут предложенные им новации в рукожном бое. Так самонадеянно думал он, летя из информатория домой на такси, словно на собственных, внезапно выросших крыльях.

Сутки не сутки, а через месяц число резервных кулаков резко сократилось за счёт появившихся запасных ступней из того же материала. И это стало этапным нововведением в неустанной борьбе дикарей друг с другом. Если, конечно, их можно было таковыми назвать (речь о дружбе). Но зато какой качественный скачок разом произошёл в ратном деле! Без малейшего преувеличения его можно было назвать революционным!

Вскоре, после творческой переработки вышеназванных направлений и школ при помощи своей ЭВМ¹², Мортиров вывел новый, можно сказать – свой, стиль, названный им «пьяный робот». По аналогии с «пьяным монахом», о котором он досконально вычитал в информатории, поскольку роботы до сих пор передвигались довольно своеобразно, без грациозной плавности, присущей трезвому человеку...

VI

Механически однообразный, непрекращающийся мордобой дикарей, которые стали фактически непобедимыми в спаррингах, уже изрядно надоел их творцу. Чтобы возродить интригу, опять требовался неординарный ход. Но в этот раз он нашёлся практически мгновенно: вскоре в мозги каждого бойца был интегрирован специальный автоматический предохранитель «твёрдой памяти и ясного ума», который в определённый момент отключал сознание избиваемого дикаря. Происходило это, когда наступал некий количественный, загодя предустановленный предел числа и силы наносимых ударов: дикарь на несколько мгновений оказывался как бы в нокауте, что позволяло считать схватку со стороны нападающего успешной. К тому же момент наступления «гроги» выглядел весьма эффектно: пропустивший удары воин внезапно терял подвижность, чем ещё больше усугублял своё положение боксёрской груши, а затем довольно громко обрушивался на пол. На большом табло, что светилось перед Мортировым внутри командной полки, сразу загорался текущий счет схватки: 1—0 или, скажем, 2—1. Ну и так далее. Вследствие чего интерес к боям у создателя тут же вырос просто неимоверно...

Роман Палыч кровожадно повизгивал со своей полки, когда наблюдал, как один дикарь отличным ударом ноги с разворота опрокидывал другого, заканчивая комбинацию молниенос-

¹² ЭВМ (устар.) – электронно-вычислительная машина.

ным движением руки. Поверженный поднимался лишь через несколько секунд, не сразу обретая уверенность в движениях.

Несколько раз наблюдая за подобным, Мортиров не без удовольствия признавался себе, что эти искусственные парни оказались на удивление искусными учениками: они быстро овладели всеми вложенными в них приёмами рукопашной борьбы и защиты. Но вот что огорчало – вскорости схватки стали скоротечными, однако, как правило, безрезультатными. А итог... В итоге – вновь сплошная ничья.

Поразмыслив над, казалось бы, неизбежным логическим тупиком, Роман Палыч нашёл неожиданный, но перспективный выход – он решил, что пришла пора создать из дикарей целый отряд, основанный на принципе чёткой дифференциации личного состава: во главе – немного опытных, старых бойцов; затем – чуть больше менее опытных воинов, или так называемый «офицерский состав»; и наконец – много-много совершенно неопытных, совсем «зелёных» новобранцев, которые бы постоянно отставали по навыкам от ранее смонтированных дикарей.

Сам термин «дикари» с этого момента был упразднён как устаревший, не соответствующий современным качествам солдатиков, в свете новейших военных веяний затребуемым Мортировым от них. Отныне они стали именоваться не иначе, как «берсерки», что в вольном переводе творца означало «настоящие пацаны». (Где он нашёл сам термин и его столь спорное толкование, неизвестно. Возможно, в кино, но может, и в информатории...)

Так появился на свет берсерк номер 3, который был сразу нещадно бит оказавшимся рядом Вторым; и только вмешательство в драку Первого, принявшего часть ударов Второго на себя, спасло Третьего от немедленной разукомплектации. Правда, ему, Третьему, тут же досталось приличное число ударов от Первого, но итоговое количество тумачков, полученных в ходе боестолкновения, из-за перераспределения их между тремя, а не двумя участниками потасовки, оказалось всё же меньше, нежели бы его бил только Второй. Такая же участь постигла и появившегося на свет следом Четвёртого, который испытал на себе действие кулаков и стоп всех троих своих предшественников. И так далее по нарастающей. Роман Палыч был в восторге – сюжеты боёв завязались в сложные узлы, которые так просто, как раньше, уже было невозможно развязать, тем самым вновь возродив у него жгучий интерес к происходящему.

Образовавшееся положение вещей и поступков стало прекрасной возможностью для личного, а также служебного рвения всех без исключения берсерков, отличной перспективой для смыслового развития; если можно так выразиться, их жизненного пути. И даже привнесло в суровый солдатский быт дух здорового соперничества вкупе с неотвратимостью дальнейшего карьерного роста. Кстати говоря, порог чувствительности «предохранителя порога боли» автоматически повышался соответственно возвышению берсерка, позволяя ему становиться всё более неуязвимым по отношению к нижестоящим солдатам. «Дикий» контингент начал стремительно расти как числом, так и умением, становясь не таким уже и диким.

По мере того, как берсерки множились, их поведение становилось всё свирепее и беспринципнее. Пару раз Мортиров наблюдал следующее: в то время, как все бились в одной сплочённой, братской куче, всегда находился один особо хитрый индивидуум. Он подкрадывался со стороны и начинал избивать слабейшего противника. Дело заканчивалось плохо: Мортиров вынужден был громкой командой сверху останавливать схватку и брать время на починку отдельно побитого. При этом каждого подлого отщепенца, что бил исподтишка, творец брал на особую заметку...

Неотвратимо, как нарыв на предназначенном для этого месте, назревала необходимость поднятия описываемой кипучей, но всё же довольно сумбурной деятельности на совершенно новый, доселе невиданный Мортировым, упорядоченный уровень. До сей поры подопечные Мортирова бились каждый за себя. Дрались, как получится. Не опираясь на строгие научные каноны. То есть, не было никакого порядка в этих свалках. Схема драк была отработана до автоматизма: обычно начинали задираться двое «случайных прохожих» (так и просится фраза о просьбе «дай закурить!»), и тут же, через пару секунд этот бой перерастал во что-то стихийное, весьма напоминающее «старые добрые ковбойские драки» в салуне, то бишь рюмочной, после общей пьянки ради самой пьянки. (А где ещё в нынешнее время можно увидеть такое?) Собственно, они и походили на это лишь потому, что именно такими и задумывались изначально, поскольку Роман Палыч обожал контрабандные фильмы из рубрики «очень, очень старое кино», поскольку новое его совершенно не трогало. Так вот, фильмы такого сомнительного содержания, которые обычно не демонстрировались законопослушным зрителям во избежание пагубного воздействия на психику потребителя, Мортиров заказывал втихомолку, через одного знакомого, носящего секретное имя «Ё»... И об этой пагубной страстишке Мортирова, естественно, даже и не подозревали ни соседи по дому, ни коллеги по работе.

(Сам-то Роман Палыч не пил. А не пил потому, что имел довольно негативный опыт на этой почве: будучи ещё молодым, только что пережившим гормональный взрыв пятнадцатилетнего мальчика, на совместной мальчишески-девчачьей вечеринке слегка «перебрал», причём совсем чуть-чуть. Затем, обративши разгорячённый взор на ту, которую до этого момента вовсе не считал объектом, достойным притязаний, внезапно полюбил её и начал приставать. Приставал он так себе, почти целомудренно, пытаясь поцеловать ей руки и объяснить. Естественно, схлопотал пару пощёчин и бесконечные насмешки сверстников.

Наутро сильно болела голова и поруганная честь, отчего Роман навсегда охладел как к выпивке, так и к женщинам.)

В таких боях без причины и, по большому счету, без значимых последствий, не угадывалось поступательного движения. Не прослеживалась мысль. Особенно военная. Почему это вдруг стало тревожить Мортирова? Да потому, что с некоторых пор он увлекся теорией военного искусства, естественно, начав с первоисточников, систематически пролистывая перед сном «Записки Батя. Детство и отрочество». Как истинный первопроходец, хан много чего интересного оставил идущим следом за ним. Например, он писал, что «сидеть на коне нужно крепко, скакать быстро». Роман Палыч как наяву представлял себе, что сам сидит на боевом коне, намертво вцепившись в поручни на его широкой спине, а ноги прочно упираются в привинченные снизу подножки – был, был у него в далёкой школьной поре одноимённый спортивный снаряд, с которого Роман частенько падал на мягкий, травмобезопасный мат-подстилку. Конь этот всегда был неподвижен, будучи накрепко прикручен к полу.

Или вот ещё одно высказывание того же автора: «В бою главное не поразительное наступление, а быстрое сохранительное отступление». Роман Палыч ломал голову над тем, что значит – «поразительное»? Кого оно в итоге поражает – наступающего, или обороняющегося? Совершенно неясно. И что такое «сохранительное отступление»? В какой момент оно становится быстрым? Может, в самом начале атаки – в момент отказа от поразительного наступления и начала успешного отступления? Но как бы то ни было, во всех без исключения словах древнего военачальника явно что-то было такое... Что именно, Роман Палыч пока не понимал и не видел, но чувствовал – главное где-то рядом. В глубине...

Начитавшись подобных откровений до полного восхищения, Мортиров ещё острее ощущал потребность в самообразовании, а затем и скорейшем отображении плодов его в своей игре, которая давно переросла в жизнь. По крайней мере, в его личной действительности: игра,

однажды встроившись в существование простого инженера-конструктора, проросла в него до самых до корней, непрестанно развиваясь от простого к сложному.

Его голова теперь была настолько набита разного рода сведениями, что ясно представляла весь дальнейший путь развития – это должно было быть движение от одиночек-хулиганов до стройных и безжалостных отрядов, составляющих целые полки... В распалённом сознании Мортирова то и дело возникали видения крупнейших побоищ, побед и поражений. Хотя побед, безусловно, больше... А по ночам снились бесконечные шеренги берсерков в единообразной униформе, куда-то шагающих с поражающим взор однообразием.

Себе он отводил роль единственного и безраздельного Командующего, осуществляющего в гордом одиночестве полное единоначалие. Идеиное руководство также являлось его личной прерогативой, которое он осуществлял исключительно по своему усмотрению.

Пока же Мортиров скромно назвал себя полковником.

VII

Для того, чтобы раздвинуть горизонт происходящего вниз, на полу ставшей к тому времени уже довольно тесной гостиной, он решил поделить берсерков на две противоборствующие группировки.

Накопив несколько десятков роботов, Мортиров разделил их на два лагеря. Однозначно, такое развитие событий можно и нужно было оценить как ключевое в личном деле (истории) «Игры в солдатики». Во главе первого – отряда «тёмных», был поставлен берсерк №1. Отныне он именовался не иначе как «Дуб-1», сразу обретя чин лейтенанта. Однако через пару минут сразу был повышен творцом-полковником до старшего лейтенанта, поскольку, по мнению самого же полковника, такое звание больше соответствовало заслугам и опыту Дуба Первого.

Соответственно, второй половиной берсерков стал командовать ни в чём не уступающий Первому Второй, мигом обретший такой же статус, что и его вечный противник. Как можно без особого труда вспомнить, светлый дикарь №2 был до того просто Вторым, что давно уже никак не соответствовало действительному положению вещей. Согласно сложившемуся на данный момент времени реальному состоянию дел он по всем своим боевым качествам также был Первым, но с другой стороны. Так вот, Второй в одночасье стал именоваться «Тополь-1», став командиром «светлых», или, так называемых теперь, «тополёвцев».

Проснувшись поутру и оставшись дома, поскольку была суббота, а следовательно – выходной, и забравшись на полку после гигиенических мероприятий, полковник прильнул к экранам¹³; и сразу отметил некое изменение в рядах сражающихся. Что-то было не так, как накануне. Приглядевшись тщательнее, он наконец понял, в чём дело, но не сразу поверил собственным глазам: новоиспечённые командиры Д-1 и Т-1 оба разом и одновременно за ночь самовольно увеличились в размерах, став явно крупнее остальных солдат.

Мортиров поначалу было резко вскипел от справедливого негодования. Даже захотел пресечь на корню такое самоуправство; может, даже вовсе разжаловать новоиспечённых старлеев в рядовые. Но, понаблюдав некоторое время за берсерками, не стал горячиться. А вскоре вообще решил законодательно утвердить такое самовозвышение воинов-командиров в зависимости от чина и занимаемой должности. Слово «законодательно» означало внести это «положение о разноразмерности тел верхних и нижних чинов» в «Устав...», который с этого же утра Мортиров начал самолично разрабатывать для своих войск. Полковник справедливо рассудил, что двоякий рост дополнительно простимулирует боевое рвение берсерков. Оставалось вне-

¹³ Шаровое пространство головизора, в котором при назначенном масштабировании отражаются наблюдаемые действия.

сти это самое рвение паяльником в каждую подвластную голову, что и было проделано уже до вечера.

Оба Первых за весь прошедший к тому времени период развития превратились в весьма совершенные боевые машины. А ещё оба смогли наколотить изрядный авторитет среди подчинённых. Причём не только для грубого физического подавления подчинённых: творец потихоньку, между делом внедрял в Дуба-1 и его товарища-противника Т-1 основы культуры военного искусства. Естественно, начав с умения красиво маршировать. Теперь зачастую можно было наблюдать, как и Д-1, и Т-1 часами гоняли строем по плацу – выделенному квадрату гостинной комнаты – своих подчинённых.

Но для самого Мортирова вес командиров не имел никакого значения. Пользуясь своим верховным положением полковника, он каждый день сажал на полчаса Дуба и Тополя, так сказать, «за парту», и лично внушал им азы командования.

Упомянутые «азы» полковник черпал из разнообразных «уставов...», которые случайным образом находил в информатории. И неважно, что каждый из них, как правило, предназначался для специфических, давно отмерших подразделений, как то: полиция, милиция, добровольные дружины содействия полиции, милиции... Главное, это были настоящие, серьёзные книжечки, отпечатанные древним типографским способом; а то, что в результате их изучения в мозгах роботов накапливались не совсем нужные сведения, ну так и что ж, прикажете совсем не заниматься образованием-воспитанием своих штатных кадров? Какая же это тогда регулярная армия? Правильно, никакая!

Поэтому Дуб и Тополь, в свою очередь, ещё полчаса тратили на свой нижестоящий офицерский состав, доводя до их немудрёных мозгов положенные знания по тактике разгона уличных беспорядков, почерпнутые до того у самого полковника.

Офицеры, в свою подчинённую очередь, также вели «курсы молодого бойца», постепенно превращая новобранцев в «старослужащих». Старослужащие также чего-то там внушали вновь смонтированным бойцам. В общем, образовательная схема не отличалась оригинальностью, но она порядком разгрузила самого Мортирова от рутины и напрочь ликвидировала всякую праздность среди берсерков.

И надо сказать, это сразу же придало боям некоторую идейность, поскольку внесло в ряды сражающихся роботов дух товарищества, чуждый им доселе. Более того, этот, без сомнения, судьбоносный шаг оказался едва ли не важнейшим во всех предыдущих действиях Мортирова, привнеся некую клановость в ряды сражающихся. Начала возникать система, пока ещё робкая, едва уловимая, но с выдающимися перспективами на будущее. Вместе с этим в голове самого полковника стало формироваться не только тактическое, но и стратегическое мышление. Он всё чаще стал трогать себя за верхнюю губу...

Теперь каждый солдат имел порядковый номер. причём не только на лбу, но также на груди и спине, где специально выбривался соответствующий участок тела. Кроме того, чтобы избежать хаоса, каждому воину своей группировки глубоко внутри был присвоен опознавательный знак «свой». Этот знак-код считывался невидимо и неслышно для Мортирова, но как раз он и был основным опознавателем для берсерков. «Своего» строго требовалось беречь и защищать от повреждения со стороны противоборствующей группировки.

Соответственно, каждый солдат противной стороны опознавался «чужим». И его надлежало бить. Кроме того, Мортиров начал разрабатывать систему паролей, как постоянных, так и разовых.

Это, в свою очередь, потребовало создания и внедрения в каждую голову солдата аппарата речи. Вообще-то сами роботы при общении между собой легко могли обойтись простыми, а также закодированными радиосигналами. Но в таком случае терялась наглядность обмена данными для их создателя, который внимательно отслеживал каждый шаг каждого воина. Поэтому Мортиров и пошёл на довольно сложную модификацию их голов, сделав подвижной нижнюю челюсть и добавив ротовую полость, в каждую из которых теперь помещался акустический динамик, способный передавать громкую речь, предварительно внесённую в арсенал умений роботов. Когда нужно было что-то сказать, им требовалось открыть рот. Со стороны такое поведение солдат выглядело очень натурально, и явилось именно тем, что и требовалось от них – зримым ощущением диалога. Правда, такая переделка каждой головы, безусловно, ослабила её, из-за чего челюсти роботов стали нередко ломаться при удачном попадании в неё кулака противника. Зато придало боевым действиям добавочной живости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.